

Вклад благотворительных фондов в развитие человеческого капитала в беднейших странах на примере в Бурунди и Кении

Научный руководитель – Ромашкина Гульнара Фатыховна

Кибукевич Владимир Степанович

Аспирант

Тюменский государственный университет, Финансово-экономический институт, Тюмень, Россия

E-mail: v.kibukevich.sas@gmail.com

Благотворительные фонды и волонтерские организации в странах глобального Юга всё чаще рассматриваются как ключевые акторы развития человеческого капитала, компенсирующие дефицит государственных инвестиций в образование и социальную инфраструктуру [4, 7, 8]. На материале Бурунди и Кении анализируется, как деятельность фондов соотносится с теориями человеческого, социального и культурного капитала, а также с концепцией дара и институциональными подходами [1, 2].

Теория человеческого капитала подчёркивает связь инвестиций в образование и здоровье с ростом производительности труда и доходов [6]. Однако в условиях слабых рынков труда и высокой неформальной занятости рост образовательного уровня не всегда ведёт к экономическому развитию, что фиксируется в исследованиях по странам Африки. Это подталкивает к учёту не только экономических, но и социальных, культурных и институциональных эффектов вложений в человеческий капитал [3, 11]. Понимание деятельности фондов требует обращения к концепциям социального и культурного капитала, а также к теории дара.

Социальный капитал проявляется через сети доверия, наставничества и взаимопомощи, возникающие между волонтерами, местными координаторами и сообществами. Культурный капитал формируется через образовательные практики, в которых сочетаются местные сказания, библейские истории и навыки грамотности, гигиены и обращения с деньгами; это одновременно поддерживает локальную идентичность и внедряет глобальные нормы и представления об «успехе» [7, 9]. Теория дара позволяет интерпретировать благотворительность как обмен, где дар никогда не является полностью безвозмездным и предполагает ответные обязательства — символические, социальные или институциональные [10].

Эмпирическая база исследования включает восемь полуструктурированных интервью с волонтерами из России, Канады и Израиля, а также с местными координаторами в Бурунди и Кении. Интервью анализировались с использованием тематического анализа, что позволило выделить повторяющиеся мотивы, нарративы и практики участия в проектах [5]. Такой качественный дизайн, опирающийся на интерпретативистскую парадигму, делает возможным реконструкцию субъективных смыслов помощи, служения и обмена, не сводя их к экономической рациональности.

Полученные данные показывают, что фонды действуют в условиях выраженных институциональных лагун: государственные школы переполнены, ресурсы ограничены, а формальные институты не обеспечивают равный доступ к качественному образованию [7]. В этой ситуации именно неформальные акторы — благотворительные, конфессиональные и волонтерские организации — берут на себя функции организации доступа, координации, безопасности и культурной адаптации для внешних участников.

Российские и транснациональные инициативы опираются на церковные сети, диаспоры и

русскоязычные женские сообщества, сочетая гуманитарные, религиозные и элементы мягкой силы, но одновременно оставаясь уязвимыми из-за зависимости от личной инициативы и нестабильного финансирования. Нарративы волонтеров демонстрируют смешение альтруистических мотивов («служение», «помощь детям») с поиском экзистенциального наполнения, профессионального опыта и доступа к уникальным, но относительно безопасным формам «глубинного» туризма. В этом смысле время, труд и компетенции волонтеров обмениваются на символический капитал, расширение сетей, приключенческий опыт и культурные впечатления, что подтверждает логику неравноценного, но взаимного обмена, описанного в теории дара и работах о социальном капитале [2, 10].

Таким образом, благотворительные фонды в Бурунди и Кении выступают как гибридные институты «социальной экономики», объединяющие элементы рынка, государства и общинной взаимопомощи. Их вклад в развитие человеческого капитала значим, но фрагментарен: без интеграции в национальные системы образования и социальной защиты, а также без учёта локальных культурных и институциональных контекстов такие инициативы не способны преодолеть структурные ограничения беднейших стран. Одновременно они открывают каналы транснациональной реципрокности, по которым циркулируют знания, ресурсы и символические блага между глобальным Севером и сообществами Африки.

Источники и литература

- 1) Кирдина-Чэндлер С. Г. Западные и не-западные институциональные модели во времени и пространстве // Вопросы теоретической экономики. 2018. Т. 1. С. 73–88.
- 2) Мосс М. Очерк о даре. Форма и основание обмена в архаических обществах / пер. с фр. М.: Восточная литература, 1996.
- 3) Радаев В. В. Поланьи К. Великая трансформация: политические и экономические истоки нашего времени // Экономическая социология. 2002. Т. 3. № 5. С. 115–117.
- 4) Banks N., Hulme D., Edwards M. NGOs, States, and Donors Revisited: Still Too Close for Comfort? // World Development. 2015. Vol. 66. P. 707–718.
- 5) Chzerep J. Illusion of Attractiveness: Russia's Pursuit of a Success Story in Africa. Warsaw: Polish Institute of International Affairs, 2023.
- 6) Nee V., Ingram P. Embeddedness and Beyond: Institutions, Exchange, and Social Structure. Stanford: Stanford University Press, 2005.
- 7) Pritchett L. Investing in Human Capital in Africa: A Framework for Research // International Journal of Educational Development. 2024. Vol. 107. P. 103–148.
- 8) The Human Capital Project in Africa: Stories of Progress. Human Capital Project. Washington, D.C.: World Bank Group, 2018.
- 9) Gates Foundation. Благотворительный фонд. URL: <https://www.worldbank.org/en/region/afr/publication/the-human-capital-project-in-sub-saharan-africa-stories-of-progress> (дата обращения: 14.06.2025).
- 10) Global South Research. Бизнес-агентство. URL: <https://globalsouth-research.com/eng/> (дата обращения: 14.06.2025).